

Система Второстепенного Персонажа в порыве возбуждения случайно открыла барьер, и Се Цзыци смог не только слышать разговоры систем, но и общаться с ними.

Стоит заметить, это был лишь второй диалог с момента начала миссии.

Раз уж барьер был открыт, Система «Каратель подонков» перестала ломаться и прямо спросила Се Цзыци:

— Когда ты уже приступишь к выполнению миссии? До сих пор ни одного подонка не покарал!

Система была крайне недовольна темпами работы Се Цзыци.

Се Цзыци хотелось лишь наградить её одним словом: «глупая».

— Не называй меня глупой. У меня интеллект не ниже твоего, хозяин. Ты лучше объясни мне, как так вышло? Мы ведь в одной команде, — Система «Каратель подонков», кажется, нашла верный подход к своему нынешнему носителю.

— Ха, твоего «интеллекта с зачатками самосознания» не хватит, чтобы понять мой план. Подожди месяц, и всё прояснится.

Система «Каратель подонков» протянула «о-о», и, видя, что хозяин сегодня в редком хорошем расположении духа, решила продолжить:

— Мне вот кажется, что ты ведешь себя по-разному перед Чжао Бинжуем, монахом из храма Наньшань, премьер-министром и Янчжи. Хозяин, не пугай меня, у тебя что, раздвоение личности? Четыре? Семь? Неужели их двадцать четыре?

— Если глупая — читай побольше книг.

Се Цзыци понимал, что ему долго придется сосуществовать с этими системами, поэтому, чтобы избежать головной боли в будущем, решил пояснить:

— Чтобы монах утратил бдительность, нужно быть мягким и обходительным. Чтобы премьер-министр ослабил хватку, нужно предстать перед ним острым, как клинок, гением, способным внушить трепет. Что касается Янчжи — он ни враг, ни друг, маскироваться нет нужды. А почему я веду себя так перед Чжао Бинжуем — увидишь мои дальнейшие действия и поймешь. Хотя, учитывая твою глупость, возможно, и не поймешь.

— Прервать связь.

Система «Каратель подонков»: Я чувствую злобу, исходящую от хозяина.

Затем она молча опустила барьер.

Остальные системы замолчали.

За те несколько мгновений, пока Се Цзыци общался с системой, Лю Цзию не сводила с него глаз.

Поначалу она пряталась в глубине двора лишь из страха, что Лю Чжэ отнимет у неё учителя. С самого детства, постоянно подвергаясь насмешкам братьев, прятаться — это единственное, чему она научилась. Но теперь, услышав бредни Янчжи, она почувствовала, что уже начала жаждала этого тепла, и лишь опасалась, как бы не привязаться к нему настолько, что

возникнет зависимость. Она остро ощущала, что это тепло может оказаться мимолетным.

— Я боюсь, что ты меня бросишь, — Лю Цзию смотрела прямо на Се Цзыци, умоляя дать ей утвердительный ответ.

Се Цзыци с некоторым удивлением взглянул на девочку. Несмотря на юный возраст, она была поразительно проницательна. Если дать ей время, она станет выдающейся личностью. У Се Цзыци появилось желание как следует её наставить.

— Пока я не покину этот мир, я буду тебя учить.

Лю Цзию уловила ожидание в глазах Се Цзыци и тяжело кивнула.

— Ты выучила текст?

— Выучила.

— Расскажи задом наперед.

Холодная луна висела за окном, но в комнате было тепло, как весной.

Зазвенел чистый голос Лю Цзию, вторя пояснениям Се Цзыци. Ночь постепенно стужалась.

С тех пор Лю Цзию стала маленьким хвостиком Се Цзыци. Она каждый день пряталась в павильоне Цзы, не выходила из двора и больше никогда не страдала от насмешек братьев.

Когда оправившийся от ран Янчжи вновь бесстыдно заявился в павильон Цзы, он увидел, как маленький мальчик большими ножницами кромсает цветки сливы.

Янчжи вскрикнул:

— Се Цзыци, выходи скорее! Твой слуга режет цветы!

Мальчик обернулся, направил на Янчжи огромные ножницы и с угрожающим видом сверкнул глазами.

— Ого, а у твоего слуги-то характер!

— Что, не нравится? — Се Цзыци вышел из комнаты с книгой в руках.

— Нет-нет, — увидев Се Цзыци, подбоченившегося у порога, Янчжи тут же сник.

— У меня к тебе дело, давай в комнату, — Янчжи поднял газету и сделал Се Цзыци знак.

Едва Янчжи успел сесть, как Лю Цзию поставила на стол чай.

От чая не шло пара, Янчжи, мучимый жаждой, сразу приложился к чашке, но, кто бы мог подумать, что не дымящийся чай окажется обжигающе горячим. Он чуть не обжег рот и проворчал:

— Где ты нашел такого слугу, с таким-то характером?

— Ты его не узнал? Это и есть та самая Лю Цзию, у которой, как ты говорил, нет ни груди, ни мяса, ни зада, — невозмутимо отозвался Се Цзыци.

Грохот. Янчжи свалился со стула.

— Великий наставник назначен главным экзаменатором. Когда вечером премьер-министр позовет, подумай, что ответить. Я ухожу! — Янчжи пустился наутек.

Великий наставник назначен главным экзаменатором? Неужели у Наследного принца появился сильный советник, который раскусил его план? Становится всё интереснее.

Се Цзыци взял брошенную Янчжи газету и рассеянно полистал её. Случайно наткнулся на заметку о том, как Чжао Бинжуй блистал в ресторане «Чжуаньюаньюлоу», в одиночку противостоял талантам из Цзинхуа и легко одержал верх. Было три испытания: поэзия, каллиграфия с живописью и политический трактат.

Написанное в тот день стихотворение снискало любовь известных куртизанок, его начали распевать повсюду, и он в одночасье стал самым популярным талантом. А его политический трактат, как говорят, удостоился высочайшей похвалы Великого наставника. Картины же Чжао Бинжуя уже вывесили в главном зале «Чжуаньюаньюлоу». Он стал главным претендентом на звание лучшего на экзамене.

Се Цзыци это не заинтересовало, но, перелистнув на страницу А4, он обнаружил рассказ с продолжением. Прочитав, он внезапно заинтересовался. Возможно, стоит выбрать момент, выбраться из резиденции и встретиться с владельцем этого издания.

В павильоне Юйшань, в библиотеке Юйшу, за занавесью.

Премьер-министр налил мужчине чаю.

Тот пригубил, поставил чашку на стол, и на его лице промелькнуло раздражение:

— Сколько студентов за эти дни подкупил Наследный принц?

— Большинство студентов в Цзинхуа пробовали свои силы в заданиях из «Чжуаньюаньюлоу». Принц контактировал с несколькими выдающимися талантами: это и Чжао Бинжуй из Цзяннани, ученик Су Жу из академии Сугэ, и Ху Яньи с севера...

Голос премьер-министра становился всё тише.

После последнего совещания советников он подал прошение, чтобы Великий наставник составил «Ланьшу» для всеобщего обозрения. Император согласился, но сторона Наследного принца запросила дополнительное время на редактуру. Спустя десять дней «Ланьшу» была обнародована, но никто не нашел в ней ни единой ошибки. А Гу Янь в день, когда его назначили главным экзаменатором, сам попросил разрешения покинуть столицу.

Это застало его врасплох. Должность главного экзаменатора на нынешних экзаменах без сомнения отошла Великому наставнику.

Сторона Наследного принца действовала всё осторожнее, что совсем не вязалось с его привычным высокомерным и деспотичным нравом. Премьер-министр погрузился в глубокие раздумья.

Мужчина взмахнул рукой, окончательно теряя терпение:

— Довольно, можешь идти.

Премьер-министр замялся:

— Так что, сегодня совещание советников проводить?

Мужчина внезапно рассмеялся, ярко, словно весенние цветы.

— О, а какая связь между талантом из Цзяннани Се Цзыци и этим Чжао Бинжуем?

— Они из одной школы, оба ученики Су Жу, — ответил премьер-министр.

Мужчина протяжно произнес «о-о»:

— Вот и используй Чжао Бинжуя, чтобы испытать Се Цзыци. Лиши его места на экзамене. Как это сделать, ты должен знать.

Премьер-министр поклонился:

— Слушаюсь.

Когда он шел из павильона Юйшань в кабинет, на душе у него было тяжело. Отослав Лю Чжэ, который пристал к нему с мольбами сделать Се Цзыци его учителем, премьер-министр велел управляющему позвать Янчжи — нужно было придумать план, который устроил бы «того господина».

Тем временем Се Цзыци просматривал газеты за последние двадцать с лишним дней, принесенные Янчжи. Перебирая страницы, он подпирал щеку и о чем-то размышлял, а спустя мгновение на его лице появилась загадочная улыбка.

Солнце клонилось к закату. Когда Се Цзыци и Лю Цзию поужинали, пришел маленький управляющий и пригласил Се Цзыци в двор Жуншань.

Цзыци протянул Лю Цзию книгу, которую составил на днях:

— Перепиши её. Как закончишь — иди спать, меня не жди.

Лю Цзию кивнула, держась за косяк двери, смотрела, как Цзыци покидает двор, и только потом принялась за каллиграфию.

Как и в прошлый раз, управляющий довел его до ворот двора Жуншань и ушел.

Цзыци вошел во двор и почувствовал аромат цветов. Он поднял взгляд на дерево и, как и ожидалось, под ним стоял мужчина.

Тот самый, что в прошлый раз угощал его чаем.

Не дожидаясь, пока Цзыци подойдет, мужчина взмахнул правым рукавом, а левой рукой протянул чашку.

Даже догадываясь, кто это, Цзыци не стал заставлять себя брать чай.

Однако мужчина, словно прочитав мысли Цзыци, приподнял бровь, вложил чашку прямо ему в руку и удалился. В одно мгновение он исчез.

Цзыци на миг замер в оцепенении, а когда пришел в себя, обнаружил в руке чашку чая.

Чашка была теплой, белой, как нефрит. Тонкие пальцы, держащие нефритовую чашку — это выглядело как картина.

Впрочем, пить он не стал. Выплеснув чай под дерево, он повесил пустую чашку на ветку, где она тихо покачивалась на ветру, и направился в библиотеку Юйшу.

Ветер, опавшие цветы, покачивающаяся чашка... В укромном уголке мужчина с улыбкой на губах слегка повел рукой, и эта завораживающая сцена словно застыла на холсте.

Когда Цзыци вошел в библиотеку, остальные советники уже были там. В отличие от прошлого раза, когда они хотели проучить его, теперь они сидели, словно им зашили рты, делая вид, что усердно читают или ведут серьезную дискуссию.

Система «Наложница»: Эти советники обсуждают, у какой куртизанки в каком борделе лучше всего... бесстыдники.

Система Второстепенного Персонажа: Йо-йо-йо.

Вошли премьер-министр и Янчжи, и в зале воцарилась тишина.

В зале совещаний премьер-министр сел, устремив тяжелый взгляд на советников. Под его властным взором те, кто еще минуту назад кривлялся, превратились в слюняв.

Окинув всех взглядом, премьер-министр начал:

— Император назначил Великого наставника главным экзаменатором, многие студенты уже перешли под крыло Наследного принца. Ситуация плачевная. У кого есть дельные советы?

Советники переглянулись, их лбы покрылись потом, и в конце концов они лишь промямлили пару избитых банальностей.

Премьер-министр был разочарован.

Снова обведя всех взглядом, он увидел, что советники стараются спрятать головы. Его взор естественным образом упал на Цзыци, который всё это время держался прямо.

— Цзыци, у тебя есть дельные мысли?

Се Цзыци с усмешкой обвел взглядом присутствующих.

Один из советников, задетый его взглядом, выпалил:

— Почему бы нам не устроить скандал с утечкой экзаменационных тем? — и бросил на Цзыци презрительный взгляд, мол, что понимает этот щенок, который даже экзамены в Цзинхуа не сдавал.

Увидев, что все смотрят на него, советник начал развивать мысль: как украсть темы, где найти ответы, как организовать утечку.

— Главное не то, сколько тем утечет, а сколько будет идентичных работ, — заключил он.

Все вдруг прозрели.

Идентичные работы — прямое доказательство списывания.

План был злодейским, но им он пришелся по душе.

Се Цзыци опустил голову, вертя пальцем чашку.

Премьер-министр и Янчжи обменялись взглядами.

Янчжи произнес:

— Идентичные работы, говоришь? Добавим туда и работу Чжао Бинжуя.

Они не сводили глаз с Се Цзыци. Но когда тот поднял голову, на его лице не было ни тени горя, как ожидал премьер-министр, — только насмешка.

— До экзаменов пятнадцать дней, — сказал Се Цзыци. — Найти семь-восемь человек, готовых написать идентичные работы, будет непросто. Найти того, кто подделает почерк Чжао Бинжуя, — тоже.

Премьер-министр и Янчжи переглянулись и горько усмехнулись.

Это была проблема.

Се Цзыци добавил:

— Хотите ударить по главному экзаменатору? В чем сложность? Достаточно организовать «литературную инквизицию».

Он подробно изложил план действий.

В глазах премьер-министра промелькнул холодок.

Этот человек, Се Цзыци, полагается на свой талант и гордыню, он никого не боится. Кто сможет кропотливо этого необъезженного жеребца?

Пока все пребывали в недоумении, Се Цзыци внезапно разжал ладонь, явив миру древесный лист.

Что за черт? Все были в полном замешательстве.

— Это лист с вчерашнего дня, на нем скопилась роса. Полагаю, через пару дней ударят возвратные холода. В дни экзаменов будет холоднее всего за этот месяц. Если студенты, как и в прошлые годы, придут в легких халатах, кто-нибудь наверняка замерзнет насмерть.

Э-э, и что с того?

Все уставились на Цзыци, не шевелясь.

— Премьер-министру следует подать прошение: ради блага государства и студентов разрешить им в дни экзаменов надевать ватные или кожаные халаты. И корзины для вещей должны быть

улучшенной конструкции.

Се Цзыци вытащил из-за пазухи свиток с детальным чертежом корзины.

— В эту корзину можно встроить небольшую жаровню.

— Император мудр, он непременно оценит заботу премьер-министра о студентах. Раз даже премьер-министр, который сам не сдавал экзамены, проявил такую доброту, все студенты Поднебесной будут благодарны ему за защиту.

Премьер-министр представил, как бесчисленные студенты восхваляют его, и невольно улыбнулся.

— Неплохо. Завтра же подам прошение, посмотрим, как Великий наставник и правый канцлер будут возражать.

Цзыци кивнул:

— Только премьер-министр не знает: эта корзина — особая разработка клана Се из Цзяннани. Если император одобрит прошение, все десять тысяч корзин должны быть заказаны у них.

Премьер-министр резко отрезвел:

— Ты хочешь подставить клан Се?

— Да. Десять тысяч корзин за пять дней, доставить из Цзяннани в Цзинхуа, ни одной не потерять. Выполнили — значит, свой долг. Не выполнили — значит, проявили неуважение к императору.

Се Цзыци, не глядя на Лю Уцзи, добавил:

— Премьер-министр, не забудьте о прибыли с продажи нескольких тысяч кожаных халатов в Цзинхуа.

— Хорошо, — премьер-министр больше не взвешивал «за» и «против», он согласился без колебаний.

Раз это решает проблему с деньгами для Третьего принца, он получит и славу, и выгоду — почему бы не согласиться?

Дело было сделано, и он отпустил всех.

Вдруг из-за плотной занавеси послышался кашель.

Немой слуга подал премьер-министру записку.

— Цзыци, останься.

Все ушли, из-за занавеси вышел человек.

Он махнул рукой, Лю Уцзи и немой слуга тоже удалились.

Зал был залит светом, в нем остались лишь сидящий Се Цзыци и стоящий перед ним мужчина.

— Ты, кажется, совсем не удивлен?

Се Цзыци поднял голову:

— Именно так.

— Ты знаешь, что Су Ушан был вынужден перейти на сторону Наследного принца, пытаюсь вывести твои следы?

Се Цзыци покачал головой:

— Ну и что с того?

— Какой холодный человек. Се Цзыци, у тебя вообще есть сердце? — мужчина протянул руку и коснулся груди Се Цзыци.

— Ты ничем не лучше меня, — ответил Се Цзыци.

— Ха-ха-ха, не зря ты Се Цзыци. Скажи, как мне сделать тебя своим?

— Если я воцарюсь в Поднебесной, обещаю, что ты никогда не будешь стоять на коленях. Как тебе? — мужчина приподнял подбородок Се Цзыци, заставляя того встретиться с его хищным взглядом.

Цзыци смотрел на него холодным взглядом, и под этим ножом, пронзающим до костей, мужчина лишь разразился распутным смехом.

Цзыци с хлопком отбил его наглую руку.

— Ты думаешь, я из тех, кого заботят такие вещи?

Он встал и поравнялся с мужчиной:

— Третий принц, вы меня явно недооцениваете.

— Хорошо, хорошо, хорошо. Знать, что я Третий принц, и сметь так со мной обращаться... Не зря ты этот необузданный, дерзкий гений, не зря я выделил тебя среди прочих. Если поможешь мне взойти на престол, обещаю тебе жизнь, полную свободы.

Се Цзыци поклонился и вышел.

Раздался треск фитиля, уголки губ Третьего принца слегка приподнялись в дерзкой улыбке.

В начале весны обычно дует мягкий ветерок, но через день-два, как и предсказывал Се Цзыци, внезапно ударили холода, и многие снова достали зимнюю одежду. На утреннем докладе все ежились от холода. Предложение Лю Уцзи разрешить студентам носить кожаные халаты и брать корзины после жарких дебатов было одобрено императором. А исполнение поручили левому канцлеру Лю Уцзи.

После заседания Наследный принц с сизым от злости лицом вошел в колесницу и уехал. Лю

Уцзи и Третий принц обменялись понимающими взглядами.

Прибыв в Восточный дворец, принц переоделся и под предлогом охоты покинул дворец, направившись во внутренние покои «Чжуанъюаньлоу».

Су Ушан только допил чай, когда принц ворвался внутрь и рассказал о событиях утреннего доклада.

Су Ушан как раз наливал ему чай, и при словах «нужны корзины от клана Се» его сердце слегка екнуло.

— Левый канцлер лично указал, что нужны корзины именно клана Се?

— Лю Уцзи выложил чертеж и с наглой уверенностью заявил, что только у них такие есть. Славный клан Се из Цзяннани! Мне не предложили, а Третьему принцу — пожалуйста. Клан Се посмел играть на две стороны, какие же они хитрые лисы! — принц был в ярости от того, что клан Се ведет двойную игру.

В отличие от неискушенного в политических интригах принца, Су Ушан понимал суть глубже. Экзаменуемых не менее десяти тысяч. Даже если клан Се начнет работу сегодня, с учетом двух дней на дорогу, у них останется всего восемь дней. Это не милость, а ловушка.

Однако Су Ушан не стал говорить об этом принцу, лишь посоветовав сосредоточиться на самих экзаменах — это было важнее всего.

Принц выпил чаю, успокоился и уехал с сыном правого канцлера скакать на лошадях у горы Наньшань.

А Су Ушан, выйдя из «Чжуанъюаньлоу» следом за принцем, направился напрямик на постоянный двор, где остановился Чжао Бинжуй.

До экзаменов оставалось десять дней, Чжао Бинжуй повторял материал. Едва высунувшись в окно, он увидел идущего внизу Су Ушана. Чжао Бинжуй помахал ему, и тот поднялся вверх.

— Как ты нашел время? Ты советник принца, как он тебя отпустил? — спросил Чжао Бинжуй.

Су Ушан окинул взглядом условия, в которых готовился его друг, задумался и наконец сказал:

— Я должен кое-что тебе сказать. Цзыци уехал из Цзинхуа и остановился в храме Наньшань, после чего следы оборвались. Он пропал. Но сегодня я услышал новость и смутно чувствую, что Цзыци сейчас у левого канцлера Лю Уцзи.

— Почему? Как это возможно? Он что, правда не будет сдавать экзамены? — Чжао Бинжуй почти потерял дар речи.

— Не волнуйся. Сегодня принц вернулся с доклада с новостью: левый канцлер нанес удар по клану Се. Такое знание дел и такой маневр мог придумать только Цзыци.

Су Ушан пересказал события утреннего доклада.

— Это почерк Цзыци.

Чжао Бинжуй отложил книгу, схватил Су Ушана за руку и потащил к выходу.

— Пойдем, найдем Цзыци в резиденции премьер-министра!

Су Ушан не стал высвобождать руку, но на его лице не было той простой, лучезарной радости, что у Чжао Бинжуя. Если Цзыци поступил так, значит, не хотел, чтобы они знали. Но в то же время он сам жаждал увидеть его снова. В таком противоречивом состоянии он позволил Чжао Бинжую протащить себя через улицы Цзинхуа к воротам резиденции премьер-министра.

<http://bllate.org/book/19854/1954658>